Н. Е. Тюрикова

ОТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА К ДЕКАБРИЗМУ
(МИХАИЛ НИКИТИЧ И НИКИТА МУРАВЬЕВЫ)

XVIII–начало XIX в. – период взлета и упадка идеологии Просвещения в Европе. Русское просветительство стало прямым наследником философии европейского Просвещения. «В России просветительство явилось тем освежающим веянием, которое оздоровило общественную атмосферу конца XVIII–начала XIX века»[1]. Но просветительство в России имело свою специфику, связанную с существованием в империи крепостного права, которое возмущало лучшие умы российского общества. Это определило то, что просветительские идеи общественного договора, естественного права, равенства всех перед законом, суверенитета народа, представительного правления, общественного мнения, частной собственности, свободы личности проникали в общественное сознание русской интеллектуальной элиты и через четверть века обернулись событиями на Сенатской площади. Идеология декабристов своими корнями уходит в просветительство и, далее, в европейское Просвещение.

Проблема идейных искании декабристов с точки зрения критической переработки ими богатого идеологического опыта буржуазно-революционных и конституционных преобразований в Европе, берущих свое начало с эпохи Великой французской революции конца XVIII в., была впервые в историографии поставлена и разработана С. С. Ландой и А. Г. Тартаковским[2]. Оба исследователя пришли к выводу, что «просветительские» предпосылки в становлении декабристской идеологии имеют первостепенное значение и не подлежат сомнению. Здесь исследователи опираются на «теоретически обоснованное понимание просветительства как широкого, антифеодального идейного течения, которое непосредственно предшествует буржуазному по своим объективным задачам революционному движению и идеологически подготавливает его»[3].

Однако в этих работах связи декабризма и просветительства изучались главным образом методом ретроспекции, путем рассмотрения нитей, ведущих от декабризма к просветительству. Этот метод был изменен в фундаментальной работе Н. В. Минаевой[4]. Здесь исследовательская мысль движется вслед за историческим процессом; изучаются, с одной стороны, воздействие просветительских идей на русскую общественность, с другой – связи декабризма с идеологией европейского Просвещения и наследием русских просветителей. В результате обе линии аргументации сомкнулись в выводе о том, что прогрессивная просветительская мысль России и декабризм выросли из одного и того же «антифеодального корня».

Возникновение просветительства в России во второй половине XVIII в. было обусловлено в первую очередь происходившими в стране социально-политическими изменениями, кризисом патримониальной доктрины, на которой зиждилась абсолютная монархия, и ростом национального самосознания. Несомненное влияние на формирование просветительской идеологии оказывали также события, происходившие за пределами России.

Во Франции важнейшую роль в подготовке буржуазной революции сыграла французская просветительская философия, «движение умов», когда идеологи поднимающегося третьего сословия с позиций рационализма стали низвергать феодально-абсолютистские устои. Французское Просвещение, представлявшее собой одну из самых значительных страниц в истории европейской цивилизации, дало мощный импульс духовному развитию многих стран мира[5].

Русское просветительство, как и западное, представляло собой широкое идейное течение. Оно включало в себя различные разновидности и оттенки: от умеренных до революционных.

---

[1] *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 5.

[2] См.: *Ланда С. С.* «Дух революционных преобразований...»: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975.; *Тартаковский А. Г.* Просветительство и декабризм // Освободительное движение в России. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 125–131.

[3] *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 131.

[4] См.: *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм …

[5] См.: *Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794 годов. М., 1956.

Начальной гранью русского просветительства можно считать 50–60-е гг. XVIII столетия. Именно с этого времени явственно обозначается процесс разложения феодально-крепостнической системы и развития нового социально-экономического уклада. На этот период приходится общественный подъем и непрерывное нарастание крестьянского движения, завершившегося восстанием Пугачева. В литературе и общественной мысли центральное место занимает крестьянский вопрос. К этому же времени относится появление крупнейших произведений западноевропейских просветителей («О духе законов» Монтескье – 1748 г.; начало издания «Энциклопедии» – 1751 г.; «Об общественном договоре» Руссо – 1762 г.; первый перевод Вольтера на русский язык – 1765 г.

Русские просветители XVIII в. высказывали, по сути, те же идеи, что и деятели западного Просвещения[6]. Для русских просветителей, как и для французских, была характерна вера в силу человеческого Разума, в возможность организации общества и государства на разумных началах, создания справедливых законов, отвечающих требованиям высокой нравственности и интересам народа. В дорадищевский период в русском просветительстве были широко распространены утопические надежды на благодетельные реформы «сверху», на освободительную инициативу «просвещенной монархии», что, впрочем, довольно скоро сменилось разочарованием и распространением различного рода конституционных и даже республиканских идей.

Но были у русского просветительства и свои особые черты, обусловленные отчасти сохранением крепостничества и абсолютной власти императора, а отчасти практически полным отсутствием «третьего сословия»[7]. Поэтому носителями «просветительских» идей во второй половине XVIII и в начале XIX в. стали представители дворянской интеллектуальной элиты[8]. Важнейшей особенностью русских просветителей был демократизм, уважение и любовь к народу, особенно крестьянству, неослабевающий интерес и внимание к его быту, нравам, творчеству. Постановка и обсуждение русскими просветителями крестьянского вопроса как основной социальной проблемы диктовались объективными условиями российской действительности. Питательной почвой и фоном для этого было стихийное движение народных масс, огромный размах антифеодальной крестьянской борьбы в России. Передовая общественная мысль России постепенно шла к отрицанию крепостного права[9], требованию его уничтожения[10], хотя многие просветители XVIII в. так и не смогли открыто сформулировать это требование[11].

Своеобразные черты русскому просветительству придавало и то обстоятельство, что просветительская идеология складывалась и развивалась в России в период формирования русской нации и национального самосознания. Отстаивание национальных принципов, пропаганда идеи бескорыстного служения родине и народу – все это составляло одну из важнейших сторон просветительского движения в России.

Каждое крупное историческое событие заставляет историка стараться внимательно рассмотреть не только «главных» действующих лиц, но и вглядеться в силуэты «второго плана». Именно этот круг позволяет разобраться в деталях, проследить «времен связующую нить».

В этом смысле огромный интерес для исследователя представляет формирование мировоззрения одного из лидеров декабристского движения – Никиты Муравьева. Трудно переоценить ту роль, которую сыграл в этом процессе отец декабриста – Михаил Никитич Муравьев (1757–1807 гг.).

Среди «вольнодумцев» конца XVIII в. была определенная группа, которая одинаково отличалась и от политических радикалов типа А. Н. Радищева, и от поверхностных вольтерьянцев; ее составляли представители обеспеченного дворянства, искренние поклонники просветительской философии, но убежденные противники каких-либо революционных выводов из нее. Эти люди стояли на перепутье между традиционной идеологией и новыми освободительными принципами; они соединяли в себе глубокое теоретическое образование с гуманистическими принципами, оставаясь при этом просвещенными консерваторами по социально-политическим убеждениям.

К числу таких искренних сторонников французского Просвещения принадлежал отец декабриста, сановник и педагог, историк и поэт М. Н. Муравьев.

Он не мог похвастаться блестящим аристократическим происхождением, но имел право сослаться на старинное выслуженное дворянство: его далекие предки, новгородские «боярские дети», с XV в. непрерывно служили московскому самодержцу[12]. Родился Михаил Никитич Муравьев 25 октября 1757 года. Отец его, Никита Артамонович, служивший в военных инженерах,

---

[6] См.: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // *Ж.–Ж. Руссо.* Трактаты. М., 1969. С. 555–604.

[7] См.: *Берков П. Н.* Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVШ века. М; Л., 1961.

[8] См.: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVШ века: По материалам переписки. М., 1999.

[9] См.: *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790–1800-х годов. Л., 1953.

[10] См.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956.

[11] См.: *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. М., 1977.

[12] См.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев // Его же. Революционное движение в России в XIX веке / Отв. ред. С. С. Дмитриев. М., 1985. С. 48.

часто находился в разъездах: Смоленск, Вологда, Архангельск, Оренбург, Москва, снова Вологда, Петербург, Тверь… Сына своего и дочь, Федосью Никитичну, военный инженер возил с собою, и из-за частых переездов будущий поэт систематического образования не получил: лишь полтора года он проучился в гимназии при Московском университете и несколько месяцев (до начала 1770 г.) – в самом университете.

Однако отсутствие единого и цельного образования не помешало М. Н. Муравьеву стать одним из самых образованных людей своего века. Еще в Оренбурге пятилетний Михаил учился немецкому языку у местного обывателя Калау, а с отцом стал заниматься математикой. На акте университетской гимназии 17 декабря 1769 г. он отличился произнесением «признательных речей» на французском и немецком языках. Живя в Архангельске (в 1770 г.), он уже активно занимается науками, ведет переписку со своим старшим товарищем по оставленному университету Николаем Рахмановым, который шлет ему краткие конспекты лекций по философии профессоров Барсова и Штадена. В октябре 1772 г. Муравьев поступает на службу в лейб-гвардейский Измайловский полк, но это не мешает его дальнейшим занятиям. Он интересуется математикой, механикой, физикой, историей, живописью, часто бывает в Академии художеств, посещает лекции профессоров Л. Эйлера и Крафта, изучает греческий, английский, итальянский языки, не пропускает новых спектаклей в театре, рисует, пишет стихи.

Свою первую книгу Муравьев опубликовал в пятнадцать лет. Это был сборник «Басни. Книга 1» (СПб., 1773 г.), включивший в себя девятнадцать басен и стихотворный «Эпилог». В том же году увидели свет «Переводные стихотворения» (СПб., 1773 г.), 1774 год ознаменовался для поэта петербургскими публикациями четырех сочинений: Петрония Арбитра «Гражданская брань». Поэма», перевод оды Горация «К друзьям», поэма «Военная песнь», «Ода ее императорскому величеству Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою». В 1775 г. печатается сборник «Оды», состоявший из десяти од и девяти стихотворений. Таким образом, последний прижизненный сборник Муравьева вышел из печати, когда автору было восемнадцать лет.

Литературные круги Петербурга доброжелательно встретили способного юношу. Его наставником в поэзии становится Василий Майков, ему покровительствует Михаил Херасков и приглашает для сотрудничества в журналах «Утренний свет» и «Моральные и исторические рассуждения» Николай Новиков. Муравьев становится членом «Львовского кружка» молодых литераторов, в который также входили В. В. Ханыков, Н. А. Львов, И. П. Тургенев, И. И. Хемницер и другие[13]; вместе со своими сослуживцами много думает о будущем русской литературы – начинает переводить «Илиаду» Гомера, следуя стихотворному размеру подлинника. Он знакомится с актером и драматургом И. А. Дмитриевским, поэтами В. В. Капнистом и Я. Б. Княжниным, сближается с Г. Р. Державиным. В 1776 г. Муравьева принимают в члены Вольного российского собрания при Московском университете. Авторами проектов хозяйственного переустройства российского государства в Вольном экономическом обществе в этот период являлись В. Г. и Г. Г. Орловы, граф Р. И. Воронцов, граф А. С. Строганов, граф К. Г. Разумовский, А. Б. Куракин…[14]

Муравьев не мог считаться крупным влиятельным землевладельцем: его родовые поместья в Новгородской и Рязанской губерниях были невелики и малодоходны; ситуация изменилась после женитьбы на дочери известного откупщика, сенатора Ф. М. Колокольцова: жена принесла Михаилу Никитичу в приданое 14 деревень, разбросанных по разным губерниям Нечерноземного края, более тысячи десятин земли и около 450 душ крепостных[15].

Продвижение по службе между тем идет весьма сложно. Муравьев дослуживается до звания прапорщика – и записывает в дневнике: «Гвардии прапорщиком я стал поздно и своим величеством могу удивлять только капралов. Но дурак я, ежели стыжусь в мои годы быть прапорщиком; дурак, ежели кто меня почитает по прапорщичеству. Неоспоримые титлы мои должны быть в сердце». А в письме к отцу от 17 июля 1778 г., говоря о смене очередного фаворита императрицы, он замечает, что при дворе «все управляется по некоторым ветрам, вдруг восстающим и утихающим так же. Любимец становится вельможей; за ним толпа подчиненных вельмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности»[16].

Между тем сам Муравьев счастливо миновал и «честной» неизвестности, и «льстивой» известности. Состоя на военной службе в гвардии, он получил доступ к екатерининскому двору. В

---

[13] См.: *Шумейко Ю. Э.* Кружок Львова: Малоизвестная страница русской культуры XVIII века // Анналы: Научно-публицистический альманах. Донецк, 1990. Вып. 1. С. 24–30.

[14] См.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 29.

[15] См.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. Прил. I // Он же. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 245–248.

[16] Цит. по.: *Кошелев В. А.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 33.

1785 г. Екатерина II обращает внимание на незаурядного и многосторонне образованного прапорщика. Он переводится во дворец и с ноября 1785 г. зачисляется в «кавалеры» и наставники великих князей Константина и Александра Павловичей. Он преподает им словесность, историю и «нравственную философию», а после приезда в 1792 г. невесты Александра обучает русскому языку будущую императрицу.

На посту царского воспитателя Муравьев проявил себя незаурядным педагогом, что подтвердили и его повести и статьи, написанные с учебной целью, а также рассказы о русской истории и прозаические повести «Обитатель предместия» и «Эмилиевы письма», форма и язык которых во многом предварили прозу Н. М. Карамзина. Впрочем, в своих педагогических исканиях он оказался и мягкосердечен, и наивен, воспитывая будущих венценосцев на идеях Адама Смита, Кондильяка, Мабли, Мирабо, Ж.- Ж. Руссо. Он желал воспитать истинно просвещенных монархов, понимающих значение развития промышленности и торговли, видевших в своих подданных людей, а не скотов… В феврале 1796 г., по окончании воспитания цесаревича Константина, Муравьев был уволен со службы в чине бригадира и переведен в статскую должность. В 1800 г. он становится сенатором.

В суровые времена павловского режима М. Н. Муравьев принадлежал к небольшому кружку, поощрявшему либеральные идеи заподозренного в заговоре наследника[17]. Воцарение собственного ученика открыло перед Муравьевым широкие перспективы.

В 1801 г., после восшествия на престол Александра I, он занял доверенный пост статс-секретаря по принятию прошений[18]. В 1803 г. он занимает место товарища министра в только что образованном Министерстве народного просвещения. Исполняя функции либерального комиссара при старом министре народного просвещения П. В. Завадовском, Муравьев стал проводником преобразовательных начинаний Негласного комитета.

Но особенное внимание он уделял реформированию Московского университета, в котором исполнял руководящие и почетные функции попечителя: вырабатывал новый либеральный устав, выписывал иностранных ученых, устраивал заграничные командировки, создавал лаборатории, кабинеты и научные общества.

В этот период он берет под «призрение» своего двоюродного племянника Константина Батюшкова, окончившего воспитание в пансионе Триполи. Муравьев взял его к себе на должность секретаря. Позже Батюшков вспоминал, что вел он себя на этой службе как истый «баловень» и «очень не усердно» занимался письмоводительскими делами[19].

В области народного образования был предпринят ряд реформ. Дневники Муравьева в этот период заполнены размышлениями об улучшении системы преподавания. Вырабатывается новый устав Московского университета, приглашаются для преподавания иностранные ученые. Интереснейшим документом, отражающим подготовку университетской реформы 1803 г., являются черновики проекта устава Московского университета и проекты отдельных статей устава с правкой Муравьева, датируемые 1800 г.[20] По сути, в соответствии с новым уставом, Московский университет получает автономию. Можно с уверенностью сказать, что для Михаила Никитича Муравьева университетская реформа 1803 г. была своей Сенатской площадью. Консервативный либерал, стремившийся воспитать государя-наследника в осознании того, что абстрактное «добро», соотносящееся с существующим положением, не допустит новой «пугачевщины», предстает в 1803 году просвещенным реформатором, подготовившим скорое возникновение университетской фронды.

Попечитель Московского университета М. Н. Муравьев также заботится об устройстве заграничных командировок российским ученым, содействует организации Общества испытателей природы, Общества истории и древностей российских, Общества соревнования медицинских и физических наук, Ботанического сада, Музея натуральной истории, поощряет издание журналов. Свой интерес к античной культуре он хочет привить молодым писателям и ученым: «Мечты возможностей. Наши молодые ученые переведут «Илиаду», «Одиссею»… Мы увидим в русской одежде Геродота (Ивашковский), Ксенофонта (Кошанский), Фукидида (Тимковский), Буринский переведет Геродиана, Болдырев – Феофраста и т. д. Спешить не надобно. Пусть десять, двадцать лет жизни употребят на сию работу полезную. Я буду требовать, чтобы более произвели знатоков греческого языка». И приглашая пока что в Московский университет профессоров из-за границы, он мечтает о времени, когда иностранцы будут приезжать в Россию в качестве студентов: «Может быть, со временем приедут шведы учиться в Москве!»[21]

---

[17] См.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 59.

[18] РГАЛИ.Ф. 1765. М. Н. Муравьев. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–13 (письма должностных лиц из гг. Гродно, Могилева, Харькова и др. секретарю кабинета Александра I по принятию прошений М. Н. Муравьеву по поводу жалоб на решения правительствующего Сената).

[19] Цит. по кн.: *Кошелев В. А.* Указ. соч. С. 35.

[20] ГАРФ. Ф. 1153. Муравьевы. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–47.

[21] См.: Цит. по: *Кулакова Л. И.* Предисловие к кн.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л, 1967. С. 10.

Поэтическое творчество М. Н. Муравьева относится к 70–80 гг. XVIII в. Оно обладает переходным характером и является своеобразным «мостиком» от поэзии классицистов к поэзии сентименталистов, на что в свое время указал еще Г. А. Гуковский[22]. Начал Муравьев как ученик Сумарокова и Ломоносова, а закончил как предшественник и единомышленник Карамзина. «Самый облик Муравьева… – пишет Г. А. Гуковский, – стал каноническим образцом мудреца и поэта, принятым в кругу Карамзина; это был образ мирного, тихого человека, обожающего добродетель и отечество, кроткого и умиленного, который в своей голубиной чистоте видит весь мир, общество и людей в розовом свете добродетельных эмоций, который кротко наслаждается в тиши изящными искусствами и чтением умных книг и без честолюбия и страстей, но вблизи трона, ведет спокойную ровную жизнь на лоне дружбы, природы и поэзии и кротко поучает юных друзей правилам своей мирной морали. Вскоре после смерти Муравьева роль носителя этого образа мудреца принял на себя Карамзин. Впоследствии, после смерти Карамзина, роль должна была перейти к Жуковскому...»[23]. Муравьева постигла участь поэтов переломного времени: классицисты, от которых он постепенно отошел в своем творчестве, отвернулись от него еще при жизни; сентименталисты и романтики, которым он прокладывал дорогу, оценили его посмертно. Весьма показательно в этом отношении издание в 1810 году сочинений Муравьева Карамзиным и в 1815 В. А. Жуковским и К. Н. Батюшковым[24].

Таким образом, можно говорить об основных принципах просветительства М. Н. Муравьева. Во-первых, это утверждение внесословной ценности личности, проходящее через все общественно-политическое, художественное и эпистолярное наследие поэта. Поэтому он и обращает внимание на недворянские слои русского общества и стремится вызвать к ним сочувствие и уважение. Во-вторых, следствием из этого стал вывод М. Н. Муравьева о неправомочности крепостного права. Но спецификой этой точки зрения является отсутствие в ней какого-либо революционного пафоса, в отличие от А. Н. Радищева или И. П. Пнина. И, в-третьих, постепенное нарастание критического отношения к русской государственности приводит М. Н. Муравьева к убеждению в существовании иного, ненасильственного пути для изменения окружающей действительности. Этот путь – в просвещении, которое сделает человека гуманным и откроет ему тайны природы и принципы, на которых держится общество. Воплощению этой идеи М. Н. Муравьев посвятил свои произведения и жизнь.

М. Н. Муравьев не был одинок в своих взглядах на политическое и культурное развитие общества. Эти взгляды разделяли его старые и близкие друзья: сенатор И. М. Муравьев-Апостол, деятель новиковского кружка и известный масон И. П. Тургенев, питомец Страсбургского университета и выдающийся агроном своего времени Н. Н. Муравьев-старший, основатель и активный участник либерального «Санкт-Петербургского журнала» А. Ф. Бестужев. Это старшее поколение дворянской элиты, из которой впоследствии вышли декабристы, уже прокладывало дорогу буржуазным идеологическим течениям; но в своем общественном быте и социально-политических взглядах оно еще крепко стояло на старой феодально-землевладельческой почве.

М. Н. Муравьев, вероятно, с сочувствием и интересом следил за выходящими книжками либерального «Санкт-Петербургского журнала», но при этом гораздо ближе примыкал не к радикальным писателям Радищеву и Пнину, а к сентиментальным романтикам Карамзину и Жуковскому. Литературный салон М. Н. Муравьева, в котором находили одинаково радушный прием и будущие основатели «Арзамаса», и переводчик «Илиады» Н. И. Гнедич, и ревнитель старины И. И. Дмитриев, являлся посредствующим звеном между писательской средой и столичными кругами дворянского общества. Склонность к уединению и покою не мешала М. Н. Муравьеву поддерживать постоянные связи и с императорским двором, и с представителями высшей сословной аристократии.

Изучение личности М. Н. Муравьева и его деятельности многое объясняет в литературной и общественной жизни России второй половины XVIII в. В частности, помогает полнее и глубже представить сложный процесс перехода от классицизма к сентиментализму, так как Муравьев, по определению Г. А. Гуковского, оказался «связующим переходным звеном, соединившим сумароковскую школу с карамзинизмом – и в то же время разъединившим их»[25].

Во второй половине XVIII в. русская историко-философская мысль мучительно преодолевала односторонность и умозрительность концепций и методов Просвещения, одновременно сохраняя все положительное, что в них имелось, и отнюдь не декларируя свой разрыв с просветительской традицией. От Просвещения был унаследован и основной круг проблем, и основная терминология, и основные понятия, в частности, идея исторического процесса и прогресса в истории. Таким образом, в России, как и в Европе, на базе просветительства происходило формирование более сложных, но генетически связанных с ним концепций.

---

[22] См.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938. С. 255.

[23] Там же. С. 252–253.

[24] *Муравьев М. Н.* Опыты истории словесности и нравоучения: В 2 ч. М., 1810.; *Он же.* Обитатель предместия и Эмилиевы письма. СПб., 1815.

[25] *Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 255.

1780–1790-е гг. были важным этапом в становлении русской исторической мысли. Именно в эти годы происходит переход от накопления фактов к их осмыслению, к выяснению вопроса, в чем состоит специфика русской истории. Своих предшественников – Татищева, Щербатова, Болтина – Муравьев называл «собирателями истории нашей» и противопоставлял им историков-просветителей Ш. Л. Монтескье, Мабли, Д'Аламбера[26].

Эти процессы получили достаточно отчетливое выражение и в работах Михаила Никитича Муравьева. Исторические работы создавались М. Н. Муравьевым с конкретной и весьма своеобразной педагогической целью – с 1785 по 1796 г. он преподавал русскую словесность, историю и нравственную философию великим князьям Александру и Константину. В ходе подготовки к занятиям Муравьев делал многочисленные заметки, которые и легли в основу его исторических сочинений. Педагогические задачи поставили Муравьева перед необходимостью создания краткого, просто и доступно написанного курса русской истории, живо и ярко освещающего основные события и характеры. Именно поэтому его труды заслуживают самого пристального внимания среди тех ранних попыток написания беллетризированного курса русской истории, которые непосредственно предшествовали «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Но при написании своих работ Муравьев встал перед необходимостью философского осмысления исторического прошлого России. Его раздумья легли в основу целого ряда небольших заметок теоретического характера. Этот материал дает возможность выявить философские представления Муравьева о мировой и русской истории и проследить, как он применил их к описанию конкретного фактического материала.

Анализ литературного, исторического и общественного наследия М. Н. Муравьева позволяет сделать вывод о его самобытности и самостоятельности как мыслителя, поэта и прозаика. Мировоззрение Муравьева представляло собой сложный и достаточно типичный для своей эпохи сплав просветительских и патриархально-идиллических взглядов. Постоянно соотнося свою жизнь, с идеалом гражданина-деятеля, а также и с усвоенным через литературу сентиментализма патриархальным идеалом просвещенного помещика, Муравьев ощущал, что его жизнь далека и от того и от другого. В такой своеобразной форме проявился в его мировоззрении тот «разрыв умозрения и деятельности», ликвидацию которого Карамзин считал главной, но так и не решенной общеевропейской задачей века Просвещения.

Декабристское движение внешне представляло собой своеобразное выражение вечного конфликта «отцов» и «детей», когда сыновья сенаторов, тайных советников, славных суворовских генералов, всю жизнь честно и доблестно служивших трону, вдруг начали проповедовать свободу, республиканские идеалы и заниматься конституционными проектами. Декабристы прервали некую традицию, форсировали ход событий, став при этом жертвами фатального стечения обстоятельств.

«Декабристы были в первую очередь людьми действия»[27]. Необходимость уничтожения существующего строя, ставшего тормозом на пути прогресса России, была подсказана декабристам опытом своей страны, наследием передовых мыслителей второй половины XVIII в., как русских, так и западноевропейских, сравнением развития России с европейскими странами, где не было крепостничества. Возникал, однако, вопрос о путях к цели. Франция в конце XVIII в. продемонстрировала опыт уничтожения абсолютизма. Но каков результат? Многие, в том числе и декабристы, в начале XIX в. считали, что конечные результаты того, что произошло во Франции, далеки от идеальной цели, которую выдвигали в конце XVIII в. радикальные просветители, – установления государства разума и справедливости. Диктатура Наполеона преемственно увязывалась с якобинской диктатурой. Крестьянская война в России под предводительством Пугачева оценивалась как бунт «бессмысленный и беспощадный».

Для того чтобы избежать повторения ошибок прошлого, народную массу, считали декабристы, надо просвещать. Вера во всесилие просвещения была характерна для декабристов на первом этапе их движения (1816–1820 гг.). В уставе Союза благоденствия предусматривалась необходимость издания книг для представителей всех сословий. Через десять лет активной пропаганды, полагали члены Союза благоденствия, придерживавшиеся просветительского тезиса «мнения правят миром», широкие общественные слои будут настроены против самодержавия и произойдет революция без потрясений и крови.

Просветительские идеи нашли отражение и развитие и в программных документах декабристов, в частности, в Конституции Никиты Муравьева.

Центральным звеном политической системы Никиты Муравьева стало утверждение требования свободы личности. Государство ни при каких обстоятельствах не должно посягать на достоинство человека. Эти постулаты являются следствием просветительской теории естественного права и рационалистической философии XVIII столетия. Никита Муравьев

---

[26] См.: Сочинения М. Н. Муравьева. СПб., 1847. Т. 2. С. 110.

[27] *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 28.

отказался от концепции якобинской Конституции 1793 г., основанной на принципах мелкобуржуазной демократии, и воспользовался (в основе своей первой редакции – «списка Трубецкого» 1822 г.) французской монархической Конституцией 1791 г., отражавшей интересы крупной промышленной буржуазии. Буржуазные преобразования трактовались автором Конституции Северного общества декабристов в духе либеральных воззрений периода реставрации (влияние идей Бенжамена Констана, пытавшегося соединить «свободу» и «собственность»).

Сравнение французской Конституции 1791 г. с испанской Конституцией 1812 г. и Конституцией Н. Муравьева в редакции 1822 г. обнаруживает общую основу – идею буржуазной революционности, выраженную наиболее полно и приемлемо для России и Испании[28]. Этот текст (1791 г.) лег в основу и испанского, и русского вариантов. Общим фундаментальным принципом двух конституционных проектов стало утверждение принципа суверенитета народа.

Итак, в деятельности декабристов нашли наиболее яркое отражение и развитие просветительские идеи всеобщего благоденствия, внесословной ценности личности, необходимости «коренных» законов и демократизации общественно-политического строя. Становление идеологии декабризма являлось преодолением кризиса основ просветительской концепции относительно возможности мирных путей общественного прогресса, осуществляемых просвещенной монархией[29]. Таким образом, дворянская революционность стала попыткой перенести просветительские идеи из области общественной мысли в сферу общественного движения.

---

[28] См. об этом подробнее: *Минаева Н. В.* К вопросу об идейных связях движения декабристов и испанской революции // Исторические записки. М., 1975. Т. 96.С. 60–78.

[29] См.: *Тартаковский А. Г.* Просветительство и декабризм… С. 126.